

Владимир ЗЕЛЬДИН:

Никому не завидовал и не завидую

Он вспоминает артистов Большого театра 30-х годов, потому что сам поступал в хореографическое училище при этом театре. Увлекался балетом и часто ходил в Большой, был хорошо знаком с Чабукиани, Семеновой, Улановой, Лепешинской, Кориным... В его гримерную заходила Ахматова. Это было время крайне негативного отношения к ее поэзии. Анна Андреевна запомнилась ему величественной, необыкновенно красивой, весьма немногословной, скупой на похвалу. Они обменялись несколькими фразами и разошлись. Но он был беспредельно счастлив, что его представили самой Ахматовой. Народный артист СССР, лауреат множества премий, Владимир Зельдин известен миллионам. Его театральные и кинороли стали хрестоматийными... Но он не из тех, кто испытывает чувство глубокого удовлетворения:

- Мимо меня, в силу разных обстоятельств, прошло много ролей. Хотелось в свое время сыграть трагические роли: короля Лира, Сирано де Бержерака... Не получилось.

- Но вы сыграли другого короля - в кино, в фильме «31 июня».

- Короля Мелиота. Да, но это совершенно другое. Музыкальный фильм.

- Вас иногда называют актером вахтанговской школы. Пользуясь случаем, хотелось бы узнать: как вы сами себя охарактеризуете?

- Школа у меня не то что вахтанговская. Скорее мхатовская. Но репертуар, стиль спектаклей, в которых приходилось играть, таковы, что много внимания обращается на музыкальность, пластику, форму, это все мне очень импонирует.

Я очень люблю Вахтанговский театр. Уже нет тех корифеев, но все-таки благодаря актерам - Михаилу Ульянову, Василию Лановому, Юлии Борисовой, Людмиле Максаковой, Владимиру Этушу (кого-то, конечно, забуду) - что называется, не опускается планка. Они сохраняют высоту благодаря таким спектаклям, как «Пиковая дама», «Без вины виноватые» в постановке замечательного выдающегося талантливого режиссера Петра Фоменко.

Вспоминаю случай, когда мне ночью позвонил Рубен Николаевич Симонов после премьеры «Учителя танцев». Тогда был триумфальный успех, и он сказал: «Володя, ты наш актер». Приглашал перейти в его театр, но я не изменил Театру Красной Армии.

И Михаил Александрович Царев звонил, приглашал перейти в Малый. Может быть, я правильно сделал, что остался. Но сейчас меняется время... После ухода из жизни Алексея Дмитриевича Попова у нас было много главных режиссеров, среди них и талантливые. Все главные режиссеры симпатичны мне, при них я много играл. Но все они повторяли одну и ту же ошибку: старались в готовом

театре создать свой театр. А ведь остались актеры, которые служили вместе с Алексеем Дмитриевичем. Нужно было развивать его традиции, его наследие, а не представлять себе, будто строишь на пустом месте.

Ведь у нас большая сцена, большой зал на 2200 мест, оркестр из 35 музыкантов - один из лучших театральных оркестров Москвы. И у нас шли такие музыкальные зрелищные спектакли, как «Укрощение строптивой», «Учитель танцев», «Мещане». Шли спектакли военной тематики: «Сталинград», «Южные люди», «Москва-Кремль», «Степь широкая». Несмотря на то, что они были, может быть, драматургически слабые, но Попов такой художник, что из слабой пьесы делал хороший спектакль. Это его талант, его мастерство.

Так случилось, что ведущие, ярчайшие актеры, как Касаткина, Чурсина, Чеханков, Покровская, и ряд других за семь последних лет ни разу ни в одной премьере не выходили на большую сцену. А ведь было поставлено шесть новых спектаклей. А Назаров, великолепный актер из Малого театра, Плотников ушли во МХАТ. У нас очень небольшие оклады. По сравнению с другими театрами самые низкие. Чем это объяснить?

- Некоторые актеры проходили здесь у вас срочную службу...

- Олег Меньшиков, Саша Домогаров, великолепные молодые актеры. Но в нашем театре «рождались» и драматурги: Гриша Горин, он специально для меня написал пьесу «Тот самый Мюнхгаузен». Режиссер Борис Львов-Анохин, который потом снял «Укрощение строптивой», «Вызываем огонь на себя». Из театра вышло много известных людей.

- Что вас сейчас радует и что огорчает?

- Я служу в этом армейском театре, который я бесконечно люблю. Вся моя жизнь прошла здесь. Мне девяносто, живу очень скромно. У меня даже нет

дачи. Маленькая квартирка - 28 метров, две комнаты. Там живем я, моя жена и наша собака по кличке Борис Николаевич. Я нашел щенка замерзающим зимой возле подъезда. С тех пор он доставляет нам с женой огромную радость. Кто-то из великих говорил, что собаки - это единственные белые ангелы, которые остались на Земле.

Никогда никому не завидовал и не завидую. За своих коллег радуюсь, зная, как все не просто, тяжело дается, желаю им только добра. А сама жизнь меня, человека, который прошел дорогами войны, очень огорчает. Вспоминается, как в пьесе «Тот самый Мюнхгаузен» героиня говорит: «Жизнь - это навозная куча, в которой мы копошимся, как черви». С Гришей я был очень дружен, и больно говорить о нем в прошедшем времени. Очень много уже ушло из жизни людей, с которыми я отдыхал душой...

Хорошо помню, какие жертвы были в Великой Отечественной. Дорога к Победе устлана людьми, которые защищали нашу Отчизну. Надо о них помнить не только 9 мая - всегда. А праздники... Праздники требуют больших капиталовложений, и нужно быть разумнее. Может быть, поскромней делать эти праздники, а деньги направлять на малоимущих. На те «дыры», которые существуют у нас.

- Кстати, насчет праздников. Знаю, что вы не употребляете алкоголя!

- Не пью, никогда не пил. И не курю. Впрочем, в компании я тоже могу выпить и стакан вина, и даже рюмку водки. Но не больше. Я всю свою жизнь занимался спортом. Хотя тогда возможностей было меньше. Занимался легкой атлетикой, верховой ездой, окончил конноспортивную школу, получил диплом Ворошиловского всадника, были и такие, а не только «Ворошиловские стрелки».

- Вы в кино, бывало, обходились без дублера. В первой своей картине «Свинарка и пастух» в знаменитой сцене погоны, когда конь летит по отвес-

ной горной дороге. А в картине «В квадрате 45» сами прыгнули с парашютом, хотя до этого ни разу не пробовали...

- Еще занимался водными лыжами, играл в теннис, пока в 80 лет не получил инфаркт. Тогда пришлось нагрузку снизить.

- Вы по гороскопу Водолей. Для Водолеев важнее общественная жизнь, чем семейная.

- Конечно, для меня важно, что творится в обществе, в котором я живу... Недавно у нас с женой был нелепый, неприятный случай, который меня очень расстроил. Потом думал: может быть, я неправильно поступил? Мы ехали на машине. У нас рядом с домом детский сад. Выезд с нашего двора такой узкий, что не разъехаться двум машинам. И вот мы едем домой, и вдруг из-за угла, из-за ограды детского сада, который у нас называют «президентским», потому, что туда водят детишек работников Госдумы, навстречу выезжает машина.

Останавливаемся друг перед другом, и мне жена говорит: «Володя, попроси, чтобы они сдали назад на один метр». Выхожу, передо мной сидит за рулем молодая женщина, сзади ребенок лет шести. Говорю: «Здравствуйте». Она не отвечает. Прошу: «Вы не могли бы на метр подать назад, чтобы мы могли проехать?» Она мне: «Это вы отъезжайте!» Отвечаю: «Нам нужно ехать назад метров двадцать с лишним, а вам - всего метр». Она молчит. «Я все-таки старше вас, - напоминаю я ей, - ветеран Отечественной войны». Молчит. Тогда я говорю жене: «Вета, давай возьмем сумки, запрем машину и пойдём домой». Вышли соседи, собрался народ. Стыдят эту молодую женщину. Но она оказалась такая упрямая!.. Почему я это вам рассказал? Сейчас много говорится о том, что ветеранам уделяется внимание. Но такие случаи, знаете ли, портят впечатление. Когда мы уже ушли, на другой машине приехал муж той молодой женщины, угловарив ее. В конце концов они уехали другой дорогой.

Миша Жванецкий сказал как-то, после того, как на него было нападение, его выкинули из машины: «Актеры, будьте бдительны, не всегда вас узнают».

- Расскажите о вашей жене, Иветте Евгеньевне Капраловой, с которой вы вместе уже сорок лет.

- Она журналистка, закончила МГУ, филологический факультет, работала в бюро пропаганды. Очень образованный человек. Устраивала концерты на стадионах, во дворцах спорта, составлялись программы, которые она редактировала. Они таких людей открыли, как Гриша Горин, Аркадий Арканов, покойный Юрий Визбор. Эти концерты в то время пользовались огромным успехом. Детей у нас нет. У меня был сын от первого брака, но он умер во время войны, в 41-м. Моя первая жена была актриса, она играла служанку Лиссену в спектакле «Учитель танцев». Она давно умерла.

- Но как же секреты долголетия? Есть они!

- Знаете, было вручение такой премии «Олимп» в Кремлевском Дворце съездов. Вручали много призов, я вручал приз Славе Тихонову. И тогда же вручали приз Борису Ефимову, карикатуристу, он родной брат писателя Кольцова, который был расстрелян по приказу Сталина. Ему 103 года. И его спросили: в чем секрет вашего долголетия? А он ответил: «Это ведь секрет, как же я могу его обнародовать. Ну, а если говорить откровенно, никаких у меня нет режимов, определенного рациона питания, ничего нет. Вот я живу, черт его знает почему». Прекрасно сказал поэт Иосиф Бродский: «Надо понимать, что есть люди лучше тебя, и это облегчает жизнь». Я живу с чистой совестью. Думаю, что и у многих людей моего поколения совесть чиста. Мы прошли войну, защитили Россию.

- На вашем столике в гримерной стоит небольшая православная икона...

- Я верующий человек. Дело не в том, чтобы часто ходить в церковь... Мой герой из спектакля «Человек из Ла-Манчи» - Дон Кихот говорит: «Нельзя своего ничего иметь, кроме своей души».

Юрий ЕНЦОВ.

Юбилей

ИТАР-ТАСС